

«Невозможно стать лидером по назначению — это нужно доказать»

мьюзикла «Красавец мужчина» на сцене Нижегородского оперного театра. Как Вы оцениваете это событие? Все ли получилось?

— На сегодняшний день у меня ощущение полной неожиданности. Я не предполагал, что получится удачный спектакль, ведь все признаки провала были еще при рождении мюзикла. Во-первых, мне совершенно не нравился материал, поскольку А. Островского я в музыке не чувствовал. Во-вторых, когда увидел либретто — оно тоже не очень понравилось. Такой сжатый вариант А. Островского, от которого уже почти ничего не осталось. Но когда появились стихи С. Плотова, мне стало теплее, работать с этим поэтом для меня всегда — счастье. Он — литератор-фантаст, который рождает неожиданные, свежие образы. Он сделал более ясную сюжетную линию, и, возможно, благодаря ему я решил рискнуть. Поскольку образы, связанные с сарказмом, юмором, ironией, мне не очень близки, пришло свое творческое «я» вывернуть наизнанку. Конечно, помог мой опыт работы в Театре юного зрителя, где нужно было делать спектакли в заданных стилях.

— Интригует жанровый подзаголовок «Красавца мужчины» — «мюзикл в водевильных тонах». Что Вы имели в виду?

— Дело в том, что жанр так и не определили. На одной афише написано «мюзикл в водевильных тонах», на другой — «водевиль». Потому что жанр получился смешанным. Здесь есть и оперные фрагменты — финал первого акта — большая развернутая оперная сцена, и фрагменты мюзикла, и водевиля. Конечно, мы пытались сохранить дух времени А. Островского, значит, сохранить жанр, который тогда существовал. И мы решили,

Работу руководителя творческого вуза часто сравнивают с деятельностью дирижера, ведь нужно настроить весь коллектив на одну «тональность». Таким «камертоном», к которому прислушивается руководство города и области, ректоры музыкальных вузов, музыканты России, весь коллектив Нижегородской консерватории, более 20 лет является ее ректор, народный артист России, композитор, дирижер, педагог, председатель Комиссии Общественной палаты по культуре и образованию Нижегородской области, профессор Эдуард Борисович Фертельмейстер.

Нам удалось поговорить с Эдуардом Борисовичем в преддверии его 70-летнего юбилея.

— Эдуард Борисович, только что прошла пре-

что все-таки будут «тона» водевиля, которые просвечивают сквозь мюзикл и оперу.

— Три года назад прошла премьера Вашей оперы-мюзикла «Коко Шанель», в которой в центре внимания оказалась драма великого кутюрье XX века. Сейчас Вы обратились к пьесе А. Островского, и опять в центре внимания — судьба женщины. Чем Вас привлекают эти сюжеты?

— Я вспомнил о П. Чайковском, который сначала хотел назвать оперу «Евгений Онегин» именем главной героини. Потому что для него Онегин был в меньшей степени интересен, также как и для меня Окоемов. Мне симпатична Зоя как образ, который сильно трансформируется на протяжении спектакля. И мне интересно, как изменяется ее суть: как от веселых ариетт она приходит к драматическим монологам в конце оперы.

— Вы согласны, что жанр мюзикла сегодня становится актуальным в театральном искусстве?

— Конечно, это востребованная форма, но я не уверен, что она должна называться «мюзикл». Для нас это немножко чужеродное название. Наши мюзиклы, конечно, отличаются от бродвейских, и я ищу другую форму и содержание этого жанра, а название пока прежнее. Просто «развлекуха» — меня не интересует, ведь она не является принадлежностью нашей российской ментальности и действительности. Мы должны чувствовать и сопереживать. Жанр становится другим, а значит, со временем рождается и новое название.

— Видимо отсюда Ваше стремление сочетать черты разных театральных жанров?

— Да. И слушатель изменился. Мысление стало другое, поэтому должна меняться и форма подачи образов. Сегодня любой театр находится в поиске синтеза жанров: рок-оперы ставятся на драматических сценах, а музыкальные театры

нередко обращаются к драматическим пьесам — художник идет навстречу публике. Он не может находиться в «башне из слоновой кости». Иначе, для кого он пишет? Конечно, существуют люди, которые пишут «в стол». Когда-нибудь, возможно, их работу оценят. У меня мировоззрение более практическое, и этому меня научил театр — мы работали на обязательный успех спектакля, в том числе и экономический.

— Вы придерживаетесь такой политики, что нужно слушателя удивлять?

— Обязательно! «Чем будем сегодня удивлять?» — постоянно спрашивал актеров К. С. Станиславский.

— Ваше композиторское творчество очень разнопланово: хоровые, симфонические опусы, создано много музыки к драматическим спектаклям — багаж огромен. Какие темы близки сейчас? О чем важно Вам говорить со слушателем?

— От того, что я хочу сказать, зависит — какая музыка родится. Если я говорю об одном, то это симфонический опус, если это будет о другом, то песня, если говорю о третьем — мюзикл или водевиль. Но то, что мне хочется сказать сегодня, вряд ли укладывается в «чистый» жанр. Я все время их перемешиваю, и мне кажется, смыслы получаются гораздо серьезнее и глубже.

— Какое место в Вашем творчестве занимает театр?

— Много лет назад театр занимал главное место, потому что я там служил и писал — это была моя обязанность. Потом появилась консерватория, где нужно было в большей степени отдаваться педагогической и административной работе, и я ушел из театра, но любовь к нему осталась. Так случилось, что сотрудничество с коллективом нашего Оперного театра принесло два новых успешных произведения — опера-мюзикл «Коко Шанель» и мюзикл в водевильных тонах «Красавец мужчина». Но это не значит, что я замкнут на театральных жанрах. У меня есть и другие замыслы, которыми я пока не готов поделиться.

— Известно, что важная сторона Вашей творческой жизни — преподавание на кафедре хорового дирижирования. Что Вы считаете главным для дирижера, чему хотите научить своих студентов?

— Первое — это ремесло, второе — честное отношение к нему. Профессия дирижера достаточно молода. Можно сказать, что только в XX веке она полноценно встала на ноги. Сегодня многие исполнители пробуют себя в качестве дирижера, но нельзя забывать, что это отдельная профессия с собственными умениями и навыками, которыми надо овладеть.

— Но консерватория ставит еще задачи музыкального и нравственного формирования студентов?

— В понятие ремесло я вкладываю правильное понимание интерпретации музыки. Здесь уже работают и изучение гармонии, теории, полифонии, истории музыки и сольфеджио. Ну, и главное, общий интеллектуальный и эмоциональный рост студента — все это сходится в классе по специальности. Когда мы изучаем произведение, в первую очередь, мы работаем над музыкой и тем как ее выразить и правильно показать. Это и есть ремесло.

— Какие личностные качества в своих учениках Вы принимаете, а какие нет?

— Дирижер — это профессия музыканта над музыкантом. Главный постулат, который мне приходится объяснять, — невозможно стать лидером по назначению, это нужно доказать. Ты должен сделать так, чтобы твоя интерпретация музыки, твоя убежденность заставила других подчиниться. Дирижер должен «зажечь» коллектив. Я пытаюсь внушить, как воспитывать в себе определенные лидерские качества. Учу не бояться публичности, а, наоборот, использовать ее во благо. Показываю, как снимать различные фобии и психологические зажимы, которые мешают овладеть этой профессией.

— А профессор Е. Н. Гаркунов своих студентов этому учит?

— В какой-то степени — да. Но я уделяю этому гораздо больше внимания. Моя деятельность заставила меня пересмотреть и изменить в себе очень многое, для того чтобы быть более успешным. Я делаюсь этим со своими студентами. Очень важно убрать в себе комплексы неполноценности и, с другой стороны, — комплексы «сверхполноценности». Надо уметь смотреть на себя со стороны, оценивать адекватно и исправлять недостатки, которые сам в себе увидел. Полная свобода — это умение владеть собой.

— Ваши первые музыкальные шаги связаны с родительским домом или с Горьковской хоровой капеллой мальчиков?

— Вначале, конечно, родительский дом. Дома всегда была музыка. Мама прекрасно играла и пела, была очень активным человеком. Преподавала английский язык в школе и по совместительству взяла на себя роль педагога по пению, она владела фортепиано и создавала школьные хоры. На меня времени не всегда хватало. И я иногда «воспитывался» в школе под роялем: он стоял в фойе на холодном цементном полу, а вокруг сидел ее класс, с которым она разучивала песни. Так я «впитывал» музыку (смеется). Дед у меня был художником, но смастерил себе скрипку и играл

по слуху. Домой к нам приходили коллеги мамы — они участвовали в школьной самодеятельности, и папа часто пел дома. Я считаю, что семья — основа всего. Мама и папа — очень музыкальные люди, во мне их гены — музыка мне дана от рождения.

— В одном из интервью Вы сказали, что никогда не думали о ректорской должности. И, тем не менее, руководите консерваторией более 20 лет. Это сложная, в основном административная работа, и все-таки Вы подчеркиваете ее творческую составляющую. Как Вам удается не уставать от «бумажной» ноши и даже в ней находить место творчеству?

— Это мой самый большой «opus». Я как композитор сочиняю какой должна быть консерватория. Не могу сказать, что она была недостойной до моего прихода, это была бы неправда. Она была замечательной, но были недостатки и упущения, которые мне хотелось исправить и пойти дальше. Самое трудное творчество здесь — кадровая политика. Когда берешь краски — знаешь, какой будет цвет, когда нажимаешь клавишу — знаешь, какой будет звук. Но когда берешь человека на работу, ты не всегда знаешь, на что он способен. В какой-то степени люди являются «инструментом» для создания и жизни нового вуза. Тут были ошибки, и я в них признаюсь. Но были и находки, поэтому нам вместе многое удалось сделать для консерватории.

— Что Вы считаете главной удачей своей административной работы?

— Самое важное, нам удалось сохранить консерваторию и двинуться вперед во многих новых направлениях, которые в будущем станут одними из ведущих в любой консерватории. Это те специальности, которые введены. Они идут рядом с исполнительским искусством, с музыковедением и композицией — это и звукорежиссура, и актерское искусство, и журналистика, и педагогика — они уже не могут открепиться от консерватории. Я убежден, что в дальнейшем будет развиваться искусство владения сценическим движением для всех музыкантов, но играть на рояле или на скрипке — как учили, так и будут учить. Уже ничего нового никто не придумает. Возможно, изменятся инструменты, но не изменится принцип подготовки. А вот все то, что сопровождает музыку, — надо обязательно развивать.

Также мне кажется, сам блок исполнительского музыкального искусства нужно обновлять. Принцип педагогики не изменится, а вот материал постоянно обновляется. Сейчас студенты очень мало изучают современную музыку. Конечно, прекрасные композиторы — Шопен, Шуберт, Лист... Но уже XXI век! Где композиторы XX века? На-

шего времени? Их музыку очень редко исполняют, а композиторы ушли далеко вперед. И неслучайно многие западные консерватории усиленно продвигают именно современную музыку, хотя в тоже время «выбраковывают» великое наследие. Я считаю, что все должно быть сбалансировано и гармонично — тогда рождается музыкант «сегодняшнего дня», а мы, порой, выпускаем музыканта «дня вчерашнего». Вот это нам надо исправлять.

— А в чем Вы видите основные достижения Нижегородской консерватории?

— Мы сохранили специалитет. Хотя, подчиняясь новым образовательным стандартам, нам пришлось ввести систему «бакалавриат-магистратура». Я думаю, что когда-нибудь все вернется назад. Потому что музыкант — это профессия созревания. И пятилетний срок обучения сложился неслучайно: только к 22-23 годам можно говорить, что человек вырос и созрел в профессиональном плане.

— Сегодня в консерватории проходит множество конкурсов, фестивалей и по активности концертной жизни она уже не уступает филармонии...

— Филармония — центр исполнительского искусства и гастрольной деятельности, а консерватория — центр знаний и умений. Каждая занимает свое достойное место. Тут нет конкуренции и не должно быть. Нынешняя активная концертная жизнь — это, конечно, заслуга той команды, которую нам удалось организовать. Музыканты доказали своей работой и инициативой преданность родной консерватории. И, если я оставляю консерваторию, то я оставляю ее в надежных руках. Если сохранится команда, то даже не так важно — кто будет ректор.

— Вы — нижегородец, почетный гражданин Нижнего Новгорода. Вы любите наш город?

— Очень. Я люблю этот город. У меня с ним связана вся жизнь. Но это не значит, что я не люблю Москву и Питер. Я от них в полнейшем восторге. Но есть место, к которому человек приходит и где ему тепло. В нашей большой стране я облюбовал Нижний Новгород. У меня есть такая песенка «Улички старого Нижнего». Мы с А. Бараховичем когда-то ее написали. Она очень искренняя. Я люблю парк напротив моего дома. Раньше он назывался парк «Ленинского комсомола», а сейчас «Швейцария». У меня многое с ним связано и, пожалуй, это самое дорогое для меня место.

— И куда Вам хочется возвращаться снова и снова?

— В консерваторию!

Беседовали Лидия Птушико
Надежда Оськина